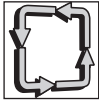

Собственные имена и концепция существования

Е.Е. ЛЕДНИКОВ

При попытках понять функционирование естественного языка с помощью моделей искусственного, формализованного языка вовсе не обязательно считать все выражения естественного языка именами, тем более поступать так в отношении предложений. Куда полезнее попытаться разобраться с *грамматически* собственными именами, установить, являются ли они *логически* собственными именами. Эта работа была проделана Б. Расселом более 100 лет назад и вывод его, как хорошо известно, оказался отрицательным. Только указательные местоимения («этот», «тот») можно признать логически собственными именами; все остальные грамматически собственные имена – так называемые скрытые дескрипции, «неполные символы». При наличии определенных дополнительных предпосылок (выполнение условий существования и единственности) дескрипции оказываются описанием характеристик предметов мысли, но не их обозначением в смысле референции. Контекстуальная элиминация из логически перестроенного языка подобных дескрипций, как показал позднее У. Куайн, означает элиминацию из языка категории собственных имен. Но она не обедняет его выразительных возможностей, если речь идет о *языке науки*. В таком логически перестроенном языке единственным средством указания на объекты оказываются квантифицируемые переменные. Собственные имена естественного языка предстают в данной трактовке не более чем «манерой речи»; они вовсе не обязаны обозначать что-либо, хотя, разумеется, придают естественному языку определенную художественную, эмоциональную и т.п. окраску. Заметим попутно, что трактовка Г. Фреге предложений естественного языка как имен, «обозначающих» истину или ложь, не означает, что последние являются такими же собственными именами,

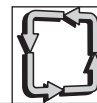

как грамматически собственные имена. Это – особая категория обозначающих выражений.

Мы не можем согласиться с тем, что использование в естественном языке имен исторических событий, вроде Сталинградской битвы, обязательно приводит к нарушению принципа однозначности именования, по крайней мере, если рассматривать употребление подобных имен в строгом историческом смысле историками-профессионалами, а не школьниками-недоучками. Хотя, повторимся, собственные имена *предназначены* для указания на некоторые единственные в своем роде объекты, но далеко не всегда *выполняют* данную функцию (вспомним такие имена, как «нынешний король Франции», «Бурбаки» и т.д.). Нет нарушения данного принципа и при употреблении имени Петра Куслия. Из того обстоятельства, что для своей семьи он – личность с одними характеристиками, для сослуживцев – с несколькими другими, для друзей – с третьими, вовсе не следует, что данные группы людей не способны говорить об одном и том же Петре Куслия. Ведь наше сознание постоянно прибегает к *абстракции отождествления*, с помощью которой мы отвлекаемся от различий рассматриваемых предметов и фиксируем внимание на их сходстве. Именно сходство характеристик Петра Куслия для всех перечисленных групп людей позволяет им успешно рассуждать о нем, понимать друг друга в процессе подобных рассуждений.

Разумеется, объектом наших рассуждений могут быть как чувственно воспринимаемые, конкретные предметы, так и различного рода абстрактные объекты – результаты применения изолирующей абстракции, абстракции отождествления, конструктивизирующей абстракции или идеализирующей абстракции. Но если сослуживцы Петра Куслия утром обсуждают, скажем, насколько выбритым он явился на работу, или какой красивый галстук он надел, то вряд ли речь идет об абстрактном объекте, а не о чувственно воспринимаемом сотруднике.

Теперь о существовании Петра Куслия, а также пустых терминов. Разумеется, в разных контекстах рассуждения упоминаются не совсем совпадающие наборы признаков данной личности. Но всегда упоминаются *известные* говорящим признаки, т.е. речь по сути дела идет об *известном* существовании! История философии сохранила нам два, можно сказать, радикальных понимания существования. Одно – «существование независимо от нашего сознания». Другое – «существование в качестве воспринимаемого». Ни одно из них нельзя признать удовлетворительным. Второе, отождествляющее существующее с воспринимаемым, некорректно уже потому, что, с одной стороны, существуют невоспринимаемые (в силу ограниченности наших органов чувств) предметы и явления, а с другой – не все воспринимаемое (в частности, видимое движение Солнца вокруг Земли) существует. Но и первое понимание, если вдуматься, вызывает вопросы. Как можно охарактеризовать в языке, являющемся продуктом

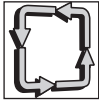
сознания, существование чего-либо, никак не связанного с сознанием? Коль скоро существование не является предикатом (а это было установлено еще И. Кантом), то в виде чего существует подобное *не-что*? Очевидно, только в виде носителя определенной совокупности дескриптивных предикатов языка. Но последнее обстоятельство делает существование подобных предметов зависимым от словарного запаса языка (скажем, в языке ньютоновской механики нельзя ничего сказать о существовании электромагнитного поля), а также от нашего знания того, какими дескриптивными характеристиками наделен соответствующий предмет. Сказанное означает, что уместнее было бы рассуждать об известном (или предполагаемом) существовании, а все контексты существования считать модальными в смысле эпистемических модальностей.

В таком случае любому высказыванию, характеризующему предмет мысли, следовало бы, вообще говоря, предпосылать указание на источник знания (или мнения): «из чувственного опыта известно, что...» (когда строим высказывания об объектах нашего восприятия), «из естествознания известно, что...» (когда строим высказывания о природных объектах), «из математики известно, что...» (когда строим высказывания о математических объектах), «из истории известно, что...» (когда строим высказывания о делах давно минувших дней), «из моих фантазий известно, что...» (когда пытаемся охарактеризовать в словах «мир» собственных домислов), «из мифологии (литературы) известно, что...» и т.д.

Сказанное приводит к тому, что понятия «существующего» и «несуществующего» лишаются абсолютного смысла, попадая в зависимость от контекстов знаний или мнений. Когда пишется учебник по физике или математике, подобный эпистемический контекст уже подразумевается названием учебника и нет нужды задавать его перед каждым отдельным высказыванием. Открывая книгу по греческой мифологии, мы не нуждаемся в постоянном напоминании, что именно мы читаем. Но если в тексте рассуждения о происхождении Вселенной перемежаются математическими выкладками и экскурсами в мифологию или цитатами из религиозных трактатов, то явное указание контекстов становится обязательным.

Что касается существования Петра Куслия, то любое высказывание о его существовании должно также принимать форму «Из чувственного опыта сотрудников Института философии РАН известно, что...», «Из философской литературы, посвященной проблемам аналитической философии, известно, что...», «Из рассуждений А. Никифорова при подготовке данного доклада известно, что...» и т.д.

В свете предлагаемого понимания существования известные высказывания о нынешнем короле Франции являются ложными постольку, поскольку королю не только нет места в политической системе современной Франции, его никто не видел, с ним никто не общался непо-

средственно или заочно, но, более того, о нем отсутствует какое-либо упоминание в литературе (если только не иметь в виду расселовскую теорию дескрипций). Но если завтра появится яркое литературное повествование о приключениях «нынешнего короля Франции», то в его контексте некоторые высказывания о короле, в том числе и экзистенциальные, будут такими же истинными, какими являются высказывания, повествующие о приключениях Алисы в Стране чудес, в частности о ее диалоге с Чеширским Котом. Разумеется, различие между вымыслом и реальностью не стирается – оно сохраняется как различие эпистемических контекстов, источников знания.

Таким образом, говорить о наличии в естественном языке пустых имен (или терминов), существование которых признается в докладе А. Никифорова, можно лишь относительно определенных предметных областей, постулируемых в логической семантике. Так называемое пустое имя при одной интерпретации оказывается пустым, при другой – нет. Это обстоятельство, по-видимому, выпало из внимания Б. Рассела, который все высказывания о пустых именах относил к ложным. Но мы ведь не считаем ложными утверждения из области мифологии – скажем, «Пегас был пленен Беллерофонтом», «Геракл победил Антея», или из области литературы – «Татьяна написала письмо Онегину»?

Признав необходимость реконструкции контекстов существования в рамках модальной эпистемической логики, мы обязаны именно в нее встраивать теорию индивидуальных дескрипций. Ни одна из известных, помимо расселовской, экстенциональных теорий индивидуальных дескрипций (Гильберта и Бернаиса, Фреге, теорий, построенных в рамках «свободных от экзистенциальных предпосылок» логик) в той же мере, что и расселовская теория, непригодна для решения интересующих нас проблем – в них невозможно создать требуемые эпистемические контексты. Но в этом случае придется отказаться от расселовских контекстуальных определений, иначе мы столкнемся с хорошо известными «модальными» парадоксами, связанными с нарушением правил \forall -удаления, \exists -введения и подставимости тождественного. Например, высказывание «Первоклассник Иванов знает, что $x > 7$ » будет истинным для числа «9» (в предположении, что Иванов уже одолел основы счета) и ложным для индивидуальной дескрипции «число планет Солнечной системы» (если Иванов еще не приобрел элементарных знаний о строении Солнечной системы). Другими словами, индивидуальные дескрипции, удовлетворяющие условиям существования и единственности, в эпистемических контекстах ведут себя как «неполные» символы расселовской теории. Поэтому расселовские контекстуальные определения следует изменить с учетом требования «эпистемического» существования и единственности индивидуальной дескрипции, более сильного, чем расселовское. Но это уже тема для отдельной статьи.